

Кактус

В шесть лет мне очень хотелось кого-нибудь нянчить.

Сначала я просила у мамы младшего братика. Или сестренку.

Но мама испуганно округляла глаза и мотала головой.

Потом я клянчила собаку или кота, но в условиях нашей однокомнатной квартиры и это оказалось невозможным.

Я совсем было расстроилась, но тут у моей подружки забеременел и принес детей старый кактус, и она великодушно отдала мне одного мелкого.

Я завернула его в платочек и притащила домой.

Мама не отказала. Пусть живет, он нам подходит — вынесла вердикт.

Все свои накопившиеся силы и нерастрченную любовь я направила на нового питомца.

Я посадила его в нарядный берестяной туесок, подаренный родственниками из Сибири.

Поливала четыре раза в день. Иногда пять.

Насыпала в землю сахар, чтоб жизнь казалась слаще.

Пела ему песни про Орлёнка и про «порапорапорадуемся на своем веку».

Читала стихи Михалкова и Агнии Барто.

И даже выгуливала: выходила во двор, усаживалась на скамейку, ставила рядом туесок и рассказывала кактусу про дворовых обитателей: мол, видишь белую лохматую собаку у второго подъезда? Это Марсик, я всегда его целую в розовый нос, а он потом смешно облизывается.

А вон, видишь того кудрявого парня в модной «дутой» куртке? Это Эдька Быков из четвертого класса, вредный, но симпатичный. И шутит хорошо.

А вон та тетя с ногами-колоннами — тетя Линетта, из соседней квартиры, у неё нет телефона, и она приходит к нам звонить, а дочка у неё уже большая и прыгала с парашютом.

Кактус сидел и внимательно слушал.

Через пару недель он весь как-то размяк, иголки скукожились, и он умер.

Я очень горевала и не смогла взять нового.

Став взрослой, я несколько раз заводила кактусы, но они засыхали и погибали.

Другие растения и цветочки обитали у меня годами, с редким поливом и ничего.

А кактусы — нет.

Наверное, тот, первый, передал всем остальным по астральной кактусиной связи, что, попав ко мне, лучше сразу прикинутьсядохлым, пока я не начала петь, читать стихи, кормить сахаром и накачивать всяческими историями.

Так и живу всю жизнь.

Без кактусов.

И не знаю, простят они меня когда-нибудь или нет.

За курицей

Тбилиси, восемьдесят седьмой год, мне двенадцать. Живу у бабушки.

Время перестроечное: дефицит, пустые полки, талоны.

Как-то во дворе пролетел слух, что в магазине за углом дают курицу. Бабушка спешно меня туда отправила.

Подхожу и вижу — очередь, толпа. И, кажется, все наши соседи тут: и хохотушка тетя Ануш из двадцатой квартиры, и степенный дядя Резо из восьмой, и детский врач Оганес из первого подъезда, и седой дед Эльдар из соседнего двора.

Стоим полчаса. Никакого движения.

— Товарищи! — кричит вдруг продавщица. — Не занимайте! Товар заканчивается!

Все заволновались.

— Как же это?

— Только встали.

— Да ведь час всего прошел, как давать начали, и что — кончается?

— Безобразие!

— Ввести новый закон надо, — горячо говорит дядя Резо, — как в Москве: продукты для москвичей по прописке. А у нас — только для грузин чтоб! Нечего всем подряд курицу нашу есть!

— Ой, Резо! — машет рукой тетя Ануш. — Я армянка, но родилась тут, и всю жизнь прожила, и муж мой — грузин, сама я с детства на грузинском говорю, Шота Руставели наизусть знаю, и что мне теперь, без курицы оставаться?!

— Шота Руставели все знают, это мировая литература. Не имеет значения, — важно отвечает дядя Резо. И приосанивается.

— Ты, Резо, не прав, — хмурится Оганес. — Мы, армяне, как и грузины, христиане, а ты нам курицу пожалел. Нехорошо!

— Ну, ладно, — соглашается дядя Резо. — Пусть курица будет грузинам и тем армянам, кто родился в Тбилиси и знает Шота Руставели.

Оганес одобрительно кивает.

— Не наизусть, — добавляет он. — Просто знает.

Дядя Резо согласно цокает языком.

До сих пор молчавший дед Эльдар громко кашляет:

— Что же у вас получается? — он обводит всех хмурым взглядом. — Мы, мусульмане, свинину не едим, говядину не достать, а вы нам и в курице отказываете? Хороши, нечего сказать! Ты, Резо, не проси меня машину твою чинить, а ты, Оганес, с шахматами своими не приходи в мой двор. Захлопну двери, так и знайте!

И воинственно вздергивает седой подбородок.

Резо и Оганес переглядываются.

— Нет, Эльдар, ты не так понял, — начинает дядя Резо, но дед Эльдар уже разошелся:

— Идите свинину покупайте, вон, в соседнем отделе, — шумит. — Ишь, курицу им подавай!

— Да той свининой только собак кормить! — смеется тетя Ануш. — Одни кости!

— Слышал, что женщина сказала? — вскидывается дядя Резо. — Одни кости там, а я тебе не собака — кости грызть.

Народ вокруг волнуется, бушует: одни обсуждают — где можно купить хорошую свинину, другие — кому всё-таки давать курицу, а кто обойдется, третьи ругают правительство.

Шум, гам, суета.

Тут продавщица поправляет косынку и громко так, насмешливо:

— А курица-то русская, из Краснодара! Как делить будете? А?

Очередь тут же смолкла.

И только Оганес шумно вздохнул:

— Что ж, сестра, поделим поровну. Ты только товара ещё привези. Чтоб всем хватило.

Витя и Лис

Как-то в поезде я познакомилась с молодым человеком, и мы всю дорогу — полтора суток — проболтали о том о сём.

Звали его Витя. Скромный, высокий, сероглазый. Лицо приятное, открытое, на носу — стайка юношеских прыщей.

Мне было семнадцать, ему — восемнадцать.

Оба мы ехали в Москву: я возвращалась с зимних каникул от бабушки, он — из отпуска в свой военный гарнизон.

Весь день я рассказывала ему про жизнь в столице, про университет и преподавателей, про подружек и друзей.

Он внимательно слушал, говорил немного, больше про армию, про себя — очень скупно.

Под вечер мы начали травить анекдоты, хохотали на весь вагон и в итоге были изгнаны старушками в тамбур, где еще полночи гыгыкали и курили.

Было ощущение легкости: такое, ни к чему не обязывающее, дорожное знакомство.

В Москве вывалились на перрон. У меня — чемодан с одеждой и тяжелый баул с едой (бабушка надавала разных банок, варений-солений, колбас, чтоб я не голодала).

Витя же был налегке: куцый вещмешок и полупустая дорожная сумка.

Он по-хозяйски схватил мой баул, буркнул «Помогу!» и зашагал по перрону, я семенила рядом, тащила чемодан.

У входа в метро «Комсомольская» злая огромная толпа пыталась пролезть через единственную открытую дверь.

— Мы сейчас можем потеряться, — нахмурился Витя. — Давай каждый пройдет как получится, а встретимся за турникетами, перед эскалаторами.

Я кивнула.

— Да, — Витя снял свою дорожную сумку с плеча, — сможешь понести? А то она постоянно сползает.

Я снова кивнула и взяла сумку.

Потерялись мы сразу: меня утащило вперед, пропихнуло через дверь и вынесло к кассам, где длинным хвостом тянулась очередь.

Я нащупала в кармане проездной и облегчённо выдохнула. Протиснулась через турникеты, нашла удобное место для наблюдения, поставила чемодан, на него — Витину сумку и завертела головой.

Нету.

Подожду, подумала я, наверное, за жетоном в очереди маятся.

Но время шло, а Витя всё не появлялся.

Я простояла битый час.

Потом медленно спустилась по лестнице к поездам и поехала в общежитие.

Там меня встретила подруга.

Стягивая пальто, разуваясь, я рассказывала ей о случившемся.

Она громко ахала и всплескивала руками.

Мы выудили из Витиной сумки полусъеденную загогулину краковской колбасы, кусок хлеба и сине-голубую кружку с отколотым краем.

Продукты выкинули, кружку вымыли, ошпарили кипятком и поставили на полку. Назвали Приблудой.

И еще долго сидели на кухне, обсуждая ситуацию. Я всё убеждала её, что Витя не специально, мы ведь с ним так хорошо ехали в поезде и о многом проговорили.

Он просто заблудился в толпе, потерял меня из вида, а я не записала ни адрес, ни телефон, и свой не оставила — вот как теперь отдать ему сумку?

Привет, ухмылялась моя подруга, он заранее всё просчитал, спёр баул и был таков, думал, может там что ценное. Как тебя не увидеть в твоём бордовом пальто? Тем более, ты стояла там целый час.

Мы спорили-спорили, и она меня почти убедила, что парень поступил намеренно. Тогда я вспомнила историю про Лиса.

Мне было шесть. Как-то одна девочка принесла в детский сад игрушечного резинового Лиса. Одинокий и грустный, он смотрел на мир исподлобья и походил на Лиса из «Маленького Принца». И как будто просил — заберите меня, полюбите.

Я не смогла устоять: тихонько заиграла его и спрятала в свой шкафчик.

Думала как: если девочка расстроится, то тут же вытащу и скажу «Да вот же он! Нашелся!» и отдам.

Но девочка не заметила исчезновения, и, когда я на следующий день спросила — «А где твоя игрушка?», она беспечно дернула плечом — не знаю, затерялась где-то.

После этих слов я решила Лиса оставить себе, мол, хозяйке он не очень и нужен, а я окружу его вниманием и любовью.

Лиса долго жила у меня, я играла с ней, заботилась, шила одежду, хотя, признаюсь, всякий раз, когда я вспоминала, как она досталась, меня накрывало ощущение неловкости.

Я поделилась размышлениями с подружкой: вот оно, догнало! Пришло возмездие за детское воровство.

— Дура ты! — перебила меня она. — Лиса ты украли как порядочная, из любви, а он — этот Витя — форменный козел!

Мы посмеялись, поязвили на тему «воровство из любви», я успокоилась, и всё это забылось. Невелика потеря, подумаешь!

Однако в глубине души до сих пор иногда чувствую — не просто так всё случилось, не просто.

А вы как думаете, а?

Курьер, газовый пистолет и Анкл Бэнс

Однажды летом, в девяностые, мой приятель Дэн завез на нашу общую родину — на Чукотку — тонны картофельного порошка «Анкл Бэнс».

В тот год на Севере случились перебои с поставками, народ остался без картошки. Растворимый порошок в пачках, с физиономией дядюшки Бэнса, пришелся очень кстати.

Дэн старался изо всех сил: сделал небольшую наценку, бегал по магазинам и убеждал продавцов, активно проводил мероприятия по продвижению. Приходит, например, на вечеринку или на день рождения со словами «А я вам закуску принес!», вытаскивает из карманов оранжевые пачки и рассказывает, как варить, сколько воды и чем полезна американская картошка.

А ему всего-то было двадцать два года. Прирожденный бизнесмен и маркетолог. Уважаю.

В итоге, северяне начали сметать «Анкл Бэнс» с прилавков.

За полтора месяца он заработал хороший капитал.

В августе я собралась в Москву, меня ждал второй курс университета. Накануне отъезда, мы с Дэном встретились на улице, и он поинтересовался как бы между прочим:

— Натаха, перевезешь деньги в Москву, а? Мне надо передать другу долю. Он в аэропорту тебя встретит, сразу и отдашь.

— Сколько?

— Пять миллионов.

По тем временам деньги ещё не так сильно обесценились, и на эту сумму можно было купить машину. Не иномарку, конечно, но «Москвич» — легко. То есть сумма — внушительная.

— Давай! — согласилась я.

— Пойдем, посчитаем, чтоб ты знала точно.

Мы пришли к нему домой, он открыл один потрепанный чемодан, второй чемодан, третий... А там — деньги-деньги-деньги.

Он вывалил их, мы уселись на пол и принялись считать. Возились долго.

В какой-то момент я сгребла их в кучу и подкинула вверх. Разноцветные бумажки кружились и падали нам на головы.

— Правильно, Натах, долго деньги в руках не держи, а то золотая лихорадка начнётся, страшная болезнь, — хмыкнул Дэн. — Перевязывай и клади. Только маме не говори, что везешь в Москву.

Наконец мы закончили. Перевязали пачки бечевками и запихали в целлофановый пакет «Мальборо».

В полупустом самолете я села у окна, бросила пакет с пятью миллионами на соседнее кресло и заснула.

В Норильске была дозаправка. Я вышла из самолета, благополучно забыв пакет на кресле. И даже как-то не побеспокоилась, разве что лениво подумала: «Да что там случится! Меньше трясёшься — меньше проблем». Вернувшись, удовлетворенно кивнула самой себе — деньги лежали на прежнем месте.

В московском аэропорту встала у выхода из зала прилёта и завертела головой в поисках «друга». Вскоре ко мне подошел темноволосый мужчина в яркой футболке.

— Вы Наташа? — вместо приветствия спросил он.

— Да.

— Я за деньгами.

— А вы кто?

— Алексей, друг Дэна.

И тут до меня дошло, что Дэн не описал человека, которому я должна отдать драгоценный пакет. Кто он, как выглядит — я не имела ни малейшего представления.

— Я не могу вам отдать вот так вот! — подбоченилась я. — Я вас не знаю.

— И что? — растерялся темноволосый.

— То! — рявкнула я. — Как зовут маму Дэна?

— Татьянаванна, — пробормотал тот.

— А собаку?

Замаялся.

— Лесси, — назидательно сказала я. — А какой пистолет Дэн купил недавно?

— Газовый! — заулыбался темноволосый. — Мы вместе с ним брали!

— Правильно! — кивнула я. — А кого он больше любит: Томаса Андерса или Дитера Болена?

— Дитера, конечно!

«Одна ошибка из четырех», — подумала я. — «Отдам деньги. Что уж. Наверняка это тот самый».

Мы направились к черной машине с тонированными окнами, и там, в салоне, я передала деньги. Вот так просто: пачку за пачкой, из рук в руки, даже не пересчитывая.

— Спасибо! — Алексей пожал мне руку. — Ты серьезный партнер и настоящий друг, — и он любезно предложил довезти меня до метро.

Я не отказалась.

Спустя много лет, я рассказала эту историю маме и мужу. Мама охала, как ты могла, как Дэн мог поручить такое, это же опасно!

Муж покачал головой и спросил:

— А процент за риск и за перевозку тебе Дэн выдал?

— Нет, — засмеялась я.

И подумала — ну, Дэн, ну, хитрец, процента-то до сих пор нет, а уж сколько времени прошло!

Ну, может, выдаст когда-нибудь.

Я всё-таки серьезный партнер. И настоящий друг.